

А ШКОЛА НОСИТ ЕГО ИМЯ...

Какой дорогой он пойдет, какое будет у него правительство, какие программы развития будут осуществляться – решать афганскому народу, это его суверенное право.

М. С. Горбачев. 1987

23 февраля в армии праздник. Только, конечно, не на войне. Там все зависит от обстоятельств. На перевале Саланг обстоятельства в те февральские дни 1987 года сложились так, что о праздничных торжествах пришлось забыть.

22 февраля к перевалу подходила колонна афганских машин. Но – не дошла: повалил сильный снег и автомобили застряли в сугробах. Как ни старались наши солдаты освободить им путь, до темноты не успели. И люди остались ночевать на трассе. Двадцать градусов мороза, ветер, выдувающий остатки тепла из насквозь простуженных кабин...

Едва прошла ночь, как отправились на выручку застрявшим в горах. Первой, в шесть утра, вышла машина Алексея Фотеева. С ним был и старший роты прапорщик Нечаев. Вот уже один автомобиль удалось вытащить из снежного плена; вот и второй веселее заурчал, когда колеса коснулись твердой почвы, третий... К четвертой машине подъехать не успели. Обрушившаяся с придорожных гор лавина снесла “Урал” в пропасть.

К тому времени Алексей прослужил в Афганистане около пяти месяцев. До конца службы в армии оставалось чуть больше года.

...Читаю письма Алеши из армии, разглядываю фотографии. Наверное, солдатские письма все одинаковы – по крайней мере в главном. Мало говорится в них о службе, и не только потому, что военная тайна. Просто, когда садишься писать домой, все казарменное, военное кажется таким незначительным. И не отсутствие фантазии заставляет повторять из письма в письмо: “Какие там у вас новости?..” Переписывая, повторяя имена близких, да и просто знакомых, как бы уверяешь сам себя, что не вся жизнь замкнута в казарму, что есть иная... Поэтому солдаты больше пишут не

о себе – о доме. Вот и эти письма, что у меня в руках, тоже меньше всего говорят об Афганистане.

Я не знал Алексея Фотеева. Не на моих глазах рос он, не при мне учился ходить, говорить... И неведомо мне, какие словечки забавные в детстве говорил, как в школу пошел, к технике пристрастился. Судя по отзывам учителей, ничем особенным не отличался, учился средне. Разве вот интерес к машинам... После школы работал в колхозе трактористом, потом закончил автошколу ДОСААФ, получил права. После армии, говорил, обязательно вернусь...

“У меня идет все нормально, настроение отличное. Здоров, как бык, чего и вам желаю. Так что уж постарайтесь там не болеть”.

“Так здесь условия нормальные... Все интересно узнать, как там дома. Как погода? Снег, наверное, лежит... За меня не переживайте. Скоро уже будет семь месяцев службы моей. Ну, больше не знаю, что и писать...”

“Я, конечно, здесь держусь, пока еще не болею и не ожидаю. В бушлате тепла хватает. Здесь вообще мало кто болеет, изредка у некоторых температура поднимается, да и то – таблеток попьют, и все проходит”.

“За меня не беспокойтесь. Как вы там поживаете? Пишите обо всем. Техники пока не получил. Но собираются дать “Урал”, точно еще ничего не знаю. Так что моя мечта, наверное, сбудется”.

О мощной машине мечта его... К технике Алексей с самого детства стремился. “Папа, законсервировал ли мотоцикл?” – беспокоится из армии. Мотоцикл, Господи... Кто бы тебя, милый мальчик, законсервировал? На тот срок, что отведен был этой службе, спрятать бы куда, сохранить... Но нет, нельзя. Ни Алексея, ни товарищей его по службе. Ни одного человека из тех тысяч, что погибли в чужой стране. Ни одного из десятков тысяч, что вернулись, израненные, – кто телом, и почти все – душой... Да и как можно человека от жизни “законсервировать”? Это смерть приказывает чертам застыть, характеру заледенеть, движениям души – остановиться.

И Алеша Фотеев остался в памяти таким, каким он был, – добрым, жизнерадостным, трудолюбивым.

“В первый класс ко мне, – вспоминает первая учительница Алексея Т. Я. Канавина, – пришел спокойный, улыбающийся мальчик. Что его ни попросишь сделать, всегда брался с радостью, всегда старался помочь мне и товарищам”.

Это и в письмах чувствуется; характер веселый, добродушный, заботливый.

В каждом почти письме звучит одно: “берегите себя!”

“Еще раз пишу, чтобы папа сейчас поменьше на мотоцикле катался и больше пешком ходил. Пешком-то ведь оно полезней будет. И ты, мама, на улицу раздетой не выходи, а то быстро ведь прихватит...”

А о себе, о будущей жизни – лишь изредка промелькнет: “Долго мне еще мечтать о прежней жизни. Ну, ничего! Свое отслужу и приду опять к прежней, вернее, иной гражданской жизни”.

Жизнь для него после Афганистана стала бы “иной”, конечно, не той, что раньше. Она и теперь “иная” – для нас. Для его родителей Татьяны Федоровны и Валентина Васильевича. Совсем “иная”. Вот передо мной фотографии: Татьяна Федоровна – домашняя такая, уютная, ласковая (видно, от нее у сына такая заботливость о домашних); Валентин Васильевич – строгий, подтянутый, надежный весь. Служба, наверное, сказывается. Он ведь участковый милиционер. Стоит по-прежнему в деревне Zubovo Белозерского района их небольшой домик. Жизнь идет, родители смирились с потерей сына. Только нет-нет да кольнет сердце какая-нибудь песенка по радио (“Алексейка раньше часто пел, он петь дома любил...”). Да вещи, еще не забывшие, жакетсы, своего хозяина, напоминают о нем.

А жизнь идет. После гибели Алексея его товарищи по службе прислали в школу, где он учился, письмо. “Мы, его сослуживцы, сделали ему памятник на горе, которая стала роковой для Алексея”.

И снимок памятника прислали. Только фотография от него теперь и осталась. Потому что наши части, уходя, разобрали все обелиски, что поставлены в память о погибших солдатах. Чтобы не надругался противник над памятью павших.

Девять лет в афганских горах и песках сражались и гибли неизвестно за что наши ребята. Они выполнили свой воинский долг. А мы должны выполнить свой, нравственный, – сберечь память о них.

Долгие годы несправедливой этой войны сделали почти привычным появление в наших домах похоронок. Это в мирное-то время! Ну если не привычным, то не удивительным.

Страшно это, если вдуматься. И не только за тех, кто погиб вдали от Родины, – за всех нас. Как могли равнодушно годами терпеть такое?

Да и сейчас все ли мы готовы, как пишет публицист Н. Стрельцова, “взять на себя свою долю ответственности за происшедшее, проанализировать, понять его, и если потребуется, признать ошибки и вину. Признать их: простите нас, “афганцы”, наш разум спал и породил чудовище войны”?*

Конечно, в Зубове Алешу Фотеева не забудут долго. Будут помнить его родные и близкие. Будут помнить в его школе, Мегринской восьмилетке, что носит его имя.

Надо, чтобы о нем и о его товарищах знали и помнили все. Потому что горькая память эта не должна допустить новых афганов.

А. Сальников

* Стрельцова, Нинель. Возвращение из Афганистана. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 216.